

КЭТ-ТРИК

ПОГОНЯ ЗА ПУМАМИ В ПУСТЫНЕ НЕВАДА

Было два часа ночи, и созвездие Ориона висело низко над горизонтом на юге. Звёзды, входящие в пояс Ориона, блистали на небесном своде. И я подумал, что, может быть, это предвещает удачу.

Всего лишь день назад я сидел в самолёте, стоявшем на заснеженном покрытии лётного поля в Мичигане, вместе со своими друзьями Джимом и Роджером, прикидывая, удастся ли нам вообще оторваться от земли. Но мы добрались до города Эли в Неваде – сердца края, где обитают пумы, – в студёное январское утро, чему мы искренне порадовались.

Я завернул за машину нашего проводника и остановился потрепать наших собак за носы, которые они беспокойно высовывали из своих клеток. Их повизгивание подсказывало, что они ожидают начала охоты ничуть не меньше, чем я.

Это была моя первая охота на пуму, равно как и для Джима и Роджера. Зимняя метель насыпала несколько дюймов снега в регионе за день до этого, так что шансы на успех были высоки. Хотя у меня и мелькала мысль – а будем ли мы действительно настолько удачливы, что сможем добыть трёх кугуаров за семь дней.

Наш аутфиттер Клив Двайр прихватил с собой своих братьев, Монте и Ника, а также и молодого человека по имени «Бут» Браун, чтобы они подсобили нам в качестве проводников на охоте. Правда, никто из них не выглядел как крутой перец с пачки «Мальборо», но когда я, здороваясь, пожимал их обветренные руки, то ощутил, что уж ковбой-то они хоть куда.

Остальная часть нашей команды была из гавкающей породы – почти две дюжины особей – превосходное сочетание различных

гончих: американских голубых гасконских, красно-пегих и чёрных с рыжими подпалинами. У большинства из них было развитое чутьё по «холодному» следу, то есть способность чутьё запах по старым следам дикого кота. Свойство это появилось у них в результате почти вековой селекции гибридов самых чутких к «холодным» следам пород гончих.

Клички собак были не менее цветисты, чем их окрас. Пожалуй, некоторые из них были взяты из списка «погонял зеков» из расположенной неподалёку государственной тюрьмы в Эли: Бензопила, Цианид, Легаш, Жиган, Фартовый, если перечислить из них всего лишь несколько.

«Ну чо, га-а-тов?» – поинтересовался Клив, растягивая слова в своей западной манере.

«Готов», – ответил я, прыгнув в его заляпанную грязью машину, которая будет служить нам в основном домом на последующие семь дней. «Удачи!» – завопил я на прощание своим друзьям, когда они рассаживались по машинам своих проводников. Под покровом темноты и зорким приглядом Ориона над нами мы выкатились из Эли в разных направлениях, в поисках нашей неуловимой и невидимой добычи.

Сосны-пиньон и открытые карьеры горных разработок

После долгой езды я пробудился, обнаружив вокруг себя ландшафт, покрытый стами можжевельником, соснами-пиньон, и полынью. Мы находились в окрестностях городка Эврика в Неваде, на высоте 6481 фут (1977 метров). Восходящее солнце подсвечивало отдалённые горы, и они сверкали, словно

БРАЙАН С. ДЖАДЖ

серебряные жилы, которые десятилетиями разрабатывались в этом районе.

Мы запарковались у дороги, выходящей по заснеженному склону горы. Я высадился из машины Клива и прислушался к тишине. Временами она казалась странно беззвучной, прерываемой изредка еле слышным жужжанием и гулом машин, доносившимся из открытых карьеров разработок внизу, в долине.

Куда ни глянь, везде простирались обширные территории бесплодных земель и высились белые заснеженные горные пики. И это было одновременно притягательно, обманчиво и безмятежно. И как только природе удаётся создавать такие парадоксальные чудеса?

Неподалёку от машины Клива мы обнаружили свежие следы лап кугуара на свежей холстине снега. Пульс мой участился, а потом внезапно восстановил своё нормальное биение, как только Клив протянул: «Са-амка. Эт-та поня-атно по следам от заострённых подушечек ла-ап и их размеру». А ведь мы вышли на дикого кота.

К полудню я получил текстовое сообщение от Роджера: «Бут обнаружил следы приличного кота ... спустили собак ... должны загнать его на дерево через несколько часов!» Я порадовался за Роджера, хотя в глубине души мне хотелось, чтобы это происходило со мной. Но даже и так, к концу дня третья часть нашего «кэт-трика» была завершена; Роджер взял славного, матёрого кугуара.

Режем след

У меня было одно неверное мнение, когда я подвизался на это приключение: я думал, что всё будет без затей. Что же, я ошибался.

Каждый день начинался в два часа ночи, а заканчивался ночь-за полночь. И в этом временном промежутке мы, словно ковбои на асфальте, мотались на сотни миль по шоссе-ным дорогам, окружённые монолитами каменных часовых, что мы именуем горами.

Мы пересекали местность по ухабистым грунтовым дорогам, которые были безжалостны как к нашему снаряжению, так и к нашим организмам. Я ещё никогда не проводил столько времени в пикапе. Но разве есть лучший вариант для того, чтобы самостоятельно изведать отдалённую и практически нетронутую часть Невады?

Обнаружение, или «пересечка» следов диких котов, оказалась делом непростым. Мы прочёсывали гору с заснеженной вершиной, поскольку она выглядела многообещающе. Часы поисков оказывались потраченными впустую. Эта процедура повторялась несколько раз ежедневно, а затем спидометр накрутит ещё больше миль, перед нами будет расстилаться ещё больше пересечённой местности для

поисков, и организм получит ещё больше толчков в результате тряски в пикапе. А в результате всё же – ни-че-го. Четыре изнурительных дня прошли вот по этой схеме.

И, чтобы совсем уж жизнь мёдом не казалась, моя охота по снегу постепенно превратилась в основном в охоту по сухому грунту, поскольку температура воздуха повысилась. На склонах гор остались только отдельные кучки снега. Поскольку снеговой покров был важен для «пересечки», этого было недостаточно. К тому же время, оставшееся для того, чтобы добыть пуму, уходило сквозь пальцы.

След от когтей

День пятый начался так же, как и предыдущие дни – встали ни свет ни заря, и темнотища, хоть глаз коли. Светать начало поздно из-за низко нависших туч, прикрывших гору от яркого, высоко стоящего в небе солнца пустыни. С этим изменением погоды нам повезло.

«Со-нце выжигает запах кота из его следов на сухой земле. А в та-а-акие дни хорошо за-а ними гоняться ... точно г-ва-арю», – протянул в нос, по-ковбойски, Клив.

Часы в молотившем вхолостую пикапе Клива показали без трёх минут восемь утра, когда вдруг из радиопередатчика дуплексной связи внезапно проскрежетал голос Бута: «Клив, как слышно?»

«Слышу вас хорошо, приём», – отреагировал Клив. «Обнаружил ... вчерашние следы кота ... в направлении на Паттерсон Пасс ... мы можем спустить собак», – прорвался сквозь помехи голос Бута.

«Классно!» – возопил я, заставив моего проводника вздрогнуть от неожиданности. Клив был из тех парней, что держат свои эмоции при себе. Но и он оживился; поспешно включив передачу пикапа, он изобразил лёгкую улыбку и заявил: «П-ехали брать кота».

Двадцать минут спустя я с надеждой разглядывал несколько крупных отпечатков лап кугуара в раскисшем снегу. Бут обнаружил их неподалёку от перевала Паттерсон Пасс, невзирая на то, что они были оставлены в нескольких футах от дороги и скрыты от взоров густым кустарником. Я думаю – у него точно шестое чувство на этих котов.

Мы торопливо вернулись втроём к пикапу Клива. «Пришло время спустить са-а-бачек», – произнёс Клив. Именно это я и жаждал услышать за всё время охоты.

Когда мы приблизились к клеткам с собаками, держа в руках снаряжение, то стало ясно, что собаки почуяли, в чём тут дело. Клив закрепил радиофицированные ошейники на шеях пятерых собак: Тучи, Финта, Шныря, Легаша и Спайса. Он подвёл их к кошачьим следам, взвизгнул: «Котик!», и вся свора умчалась прочь, уткнув носы в землю и крутя

хвостами, постепенно исчезая в просторах альпийского ландшафта в поисках кота.

«Пумы могут пра-йти до двадцати миль за-а ночь, а эти следы – вчерашние. Чтобы прикинуть па-алучше, где есть этот кот, нам надо убедиться, что он не ушёл за седловину Мьюл Шу», – сообщил Клив.

«А это где?» – любопытствовал я.

«С десяток миль на юг. Можем па-адъехать туда на моём пикапе», – ответил он.

«Снова-здорово, опять трястись в пикапе», – промелькнула у меня мысль.

«А я покручусь здесь и посмотрю, не найду ли следы посвежее», – предложил Бут.

Прибыв на седловину Мьюл Шу, мы с Кливом топали с час вдоль заснеженного русла ручья, усыпанного снежными блохами. Вдруг, без всякого предупреждения, Клив рванулся к сосне-пихнюн, чтобы рассмотреть то, что привлекло его внимание. Когда я догнал его, он уже стоял на коленях, разглядывая прореху в подстилке из осыпавшейся упругой хвои. «Это «кошачья царапка», – сообщил Клив. – Эт как доска объявлений для пум, чтобы па-а-метить свою территорию и п-казать направление, в котором они двигаются».

Клив вскочил на ноги и обошёл сосну по большому кругу. На полпути он остановился изучить небольшой снежный холмик.

«П-гляди на эти следы», – жестом пригласил он меня посмотреть. – «Им уже пара дней, и они такие же, как и те, на к-торые мы выставили собак. И «царапка», и эти следы г-варят о том, что кот направляется к перевалу Паттерсона», – проговорил он, неподвижно вперив свой стальной взор в пространство на севере.

Мы уже поспешали назад, к пикапу Клива, как внезапно ожило наше радио.

«Эй, парни, как слышно?» – голос Бута прорвался сквозь помехи.

Брайан Джадж (слева) и Бут Браун с отменным, золотистого цвета диким котом. Ему было четыре года, и весил он 140 фунтов

«Слышу тебя, Бут», – ответил Клив.

«Нашёл комплект следов посвежее. Того же кота. Возвращайтесь», – был краток Бут.

Сметливый кот

Мы встретились с Бутом приблизительно в миле на юг от того места, где мы спустили собак. И он улыбался до ушей.

«Этим следам никак не более двенадцати часов», – поведал нам Бут, указывая на свежие отпечатки лап. Ошибиться было невозможно – даже и для такого зелёного следопыта, которым был я. Первый комплект следов, – тех, что были в седловине Мьюл Шу, и эти, что были сейчас перед нами, принадлежали одному и тому же кугуару. А это значило, что этот скрытный кот двигался на север от седловины Мьюл Шу, прошёл перевал Паттерсона и теперь направлялся назад, на юг.

Однако настал уже почти полдень. Грязь у нас под ногами в основном подмёрзла, но во многих местах она была ещё тестообразной консистенции.

«Давайте-ка выпустим вта-арую свору собак», – предложил Клив. – «Этот покров ха-рош для выслеживания; грязь вроде замазки п-магает держать запах».

Во второй своре были: Бензопила, Крикет, Эйч, Жиган и Фартовый. Их оснастили радиофицированными ошейниками, и гавканье их сразу поднялось до самых заливистых нот. Клив подвёл возбуждённую свору к свежим следам, и тут я вспомнил, что говаривал Теодор Рузвельт о кугуарах: «Ни одно дикое животное, даже волка, не так сложно увидеть или добыть без собак».

И опять с губ Клива слетела команда: «Котик!» И, когда псы помчались прочь, я рассчитывал на то, что они вскоре обеспечат мне встречу с великолепным хищником, которого мало кто даже и видывал в естественных условиях.

«Кручё-ённый кошак», – протянул Клив, рассматривая от-весный утёс, возвышавшийся более чем на 500 футов (150 метров) над поверхностью, в полумиле от того места, где мы

